

Получив отказ от двух лекарей подряд, Мао Сяофэй поднялся на ноги и обвёл взглядом просторный шатёр. Здесь ютились двенадцать военных врачей. Одни склонились над столами, листая пожелтевшие страницы медицинских трактатов, другие увлечённо перебирали сушёные травы, однако каждый из них украдкой следил за незванным гостем.

Фу Дун лежал на боку, съёжившись на узкой кушетке для раненых. Мальчик изнывал от жара; при каждом тяжёлом вздохе его потрескавшиеся губы мелко дрожали, а руки и ноги он судорожно прижимал к груди.

— Значит, без письменного приказа генерала вы к нему и пальцем не прикаснётесь? — сурово спросил Мао Сяофэй, в упор глядя на лекаря, только что отказавшего в помощи.

Тот отвёл глаза, виновато замялся и вздохнул с притворной беспомощностью:

— Таков порядок... Против устава не пойдёшь. Да и к тому же этот малец...

Он осёкся. Мальчишка ведь был из племён варваров.

Не став дослушивать это пустословие, Мао Сяофэй рывком закинул Фу Дуна на спину, крепко обвязал его полотном и стремительно направился напрямик к главному генеральскому шатру.

Солдаты ночного караула при виде Мао Сяофэя так и подскочили. Заметив его яростный, решительный вид, они мгновенно подобрались, не смея расслабляться.

— Стой! Кто таков? По какому делу к генералу? — дорогу преградили два скрещённых копья.

— Му Цаньшан! Выходи! — крикнул Сяо Фэй во весь голос.

— Дерзость! — один из стражников испугался возможного взыскания. Он резко замахнулся, целясь остриём копья прямо в нарушителя.

Мао Сяофэй перехватил древко голыми руками. Пальцы побелели от напряжения, а он продолжал неистово надирать горло:

— Му Цаньшан! А ну выходи! Сюда иди!..

Крупные капли пота градом катились по его лбу. Собрав воедино все силы, он упрямо ломился вперёд, пытаясь прорвать оцепление.

Полог шатра откинулся, и на пороге показался Му Цаньшан. Он на мгновение удивился. Нахмурившись, молодой генерал коротким взмахом руки велел страже отступить и жестом

пригласил Мао Сяофэя войти.

— Напиши приказ, — едва переступив порог, выпалил Мао Сяофэй, не давая генералу вставить ни слова. — Фу Дун при смерти. Нужна помощь лекаря.

— Фу Дун? — переспросил Му Цаньшан.

Он с недоумением оглядел узел за спиной гостя и только теперь разглядел личико ребёнка. Тот самый маленький представитель племён варваров — отмытый, он казался на удивление бледнолицым и хрупким. Пристально посмотрев на Мао Сяофэя, генерал без лишних слов сел за стол. Он быстро выводил иероглифы на бумаге, время от времени бросая короткие взгляды на Сяо Фэя. Закончив, он подошёл к нему, протянул свиток и коснулся лба спящего мальчика. Тот метался в забытьи, притихший, без обычной дикой злобы.

— Сам имя ему дал? — негромко спросил Му Цаньшан. — Почему не твоя фамилия?

— Долгая история. У него сильный жар, мне пора, — бросил Мао Сяофэй и, даже не поблагодарив, вихрем вылетел наружу.

Му Цаньшан остался стоять посреди шатра с протянутой рукой. Он едва заметно и мягко усмехнулся.

Из темноты за порогом соткался силуэт нового гостя. Это был Кан Цзыхун. Лицо его казалось высеченным из чистейшего белого нефрита, он мягко улыбался, а в манерах и голосе сквозило такое благородство, что любой собеседник — будь то мужчина или женщина — уже после пары фраз заливался румянцем от неловкости, со смесью благоговения и страха задеть этого утончённого человека.

— Тот, о ком ты грезишь и днём и ночью, наконец-то соизволил явиться. Что же ты его не удержал? — вкрадчиво поинтересовался он.

Му Цаньшан, как раз делавший глоток чая, поперхнулся и брызнул водой. Сгорая от стыда, он принялся поспешно вытирать подбородок рукавом, старательно избегая насмешливого взгляда живописца.

— Не мели чуши, — буркнул он.

— Ну какая же это чушь? Ты ведь его ночи напролёт в своей постели... кхм, в своём шатре маринуешь. Думаешь, в лагере об этом никто не судачит? Раз уж приглянулся тебе парень — бери быка за рога, не мешкай. А то растеряешься, упустишь, а потом локти кусать будешь. Жизнь слишком коротка, мой дорогой друг, глупо тратить её на пустые сомнения, когда можно просто наслаждаться моментом.

От этой тирады Му Цаньшан невольно вскинул голову. Перед ним стоял всё тот же Кан Цзыхун — безупречный, не изменившийся ни на йоту, разве что в его вкрадчивом голосе прибавилось изрядной доли цинизма.

Молодой генерал боролся с собой. Переборов секундное замешательство, он напустил на себя суровый вид и спросил напрямик:

— Ладно, выкладывай, зачем приехал? Не поверю, будто ты проделал такой путь лишь ради дружеской беседы. Меня годами дома не бывает, захотел бы повидаться — давно бы навестил на заставе. Зачем ждал до сих пор?

Кан Цзыхун, вертевший в пальцах изящную нефритовую подвеску веера, замер. Он тихо вздохнул:

— Ох, вечно ты всё портишь своим занудством. Ничего от тебя не утаишь.

Он прикрыл веер и добавил уже серьёзнее:

— Скрывать не стану: у меня здесь действительно важное дело. Подойди-ка поближе.

Му Цаньшан, ничуть не сомневаясь в старом друге, шагнул вперёд. В то же мгновение Кан Цзыхун резко подался вбок, ухватил его за плечо и бесцеремонно притянул к себе так, что ухо генерала едва не коснулось его губ.

— Только вот тебе об этом знать не положено, — заговорщицки прошептал он.

Му Цаньшан вспыхнул до самых кончиков ушей. Пытаясь высвободиться, он резко отшатнулся назад, но потерял равновесие и — позор для доблестного полководца! — пребольно шлёпнулся задом прямо на земляной пол.

Художник так и покатился со смеху.

— Да ты... — Му Цаньшан задохнулся от возмущения, но злиться на этого наглеца не мог. Они ведь с самого детства водой не разлить, все каверзы и шалости делили пополам. Но в этом и крылась разница между Цзыхуном и Мао Сяофэем. Кан Цзыхун происходил из знатного, влиятельного рода. Когда-то давно, года два назад, Му Цаньшан уставился на него так, что у самого кровь из носа хлынула от избытка чувств, но даже тогда он не посмел раскрыть свои постыдные желания. Да и сейчас, дай ему хоть сто жизней, он бы не рискнул зайти слишком далеко. Одно дело — дурачиться и в шутку лапать друг друга, и совсем другое — затеять настоящую интрижку. Стоило представить, как на это отреагирует грозный отец со своим вечно хмурым лицом, как у Му Цаньшана тут же начинала раскалываться голова.

— Но если серьёзно, — Кан Цзыхун прищурился, — неужели тебе и вправду мил этот заморыш?

Обыкновенный ведь, ни рожи ни кожи. Твой слуга-посыльный и тот смазливее будет...

— Он просто подаёт мне чай, — ледяным тоном оборвал его Му Цаньшан и с хмурым видом швырнул другу запечатанный конверт.

Пробежав глазами первые строки, художник удивлённо приподнял брови:

— Вот уж не думал... Этот хлипкий воробышек, оказывается, умудрился спеться с тем несносным столичным барчуком из Верхней Ци?

Му Цаньшан поморщился, словно от зубной боли:

— Всё в прошлом. Они больше не вместе.

— Но в письме нет ни слова о том, чтобы ты лично марал о него руки. Насколько я тебя знаю, ты терпеть не можешь столичных чинуш и их подковёрные игры. Помнится, ты потому и выпросил перевод на эту глухую заставу, чтобы подальше от них держаться. С каких это пор ты пляшешь под дудку Дунмэнь Юэ?

— Я ничего не выпрашивал, — процедил сквозь зубы Му Цаньшан. — Это отец подал прошение императору.

Кан Цзыхун так и застыл с полуоткрытым ртом:

— Погоди... Вся столица трубит о твоём небывалом благородстве! Мол, юный герой пожертвовал сытой жизнью ради защиты рубежей Цинси... Только не говори мне, что это просто красивая сказка.

Генерал сохранил каменное выражение лица:

— Моей вины тут нет. Слухи распускал не я, но нашему клану жизненно необходима слава заступников отечества.

Художник насмешливо покачал головой и цокнул языком:

— Ох уж эти великие мужи... Но скажи мне другое: ты последние дни так и вьёшься вокруг этого птичника. Неужто и правда запал на бедолагу?

— С чего бы мне в него влюбляться? — раздражённо отмахнулся Му Цаньшан. — Просто Дунмэнь Юэ подослал человека в мой лагерь, чтобы тот извёл парня. Но этот недоумок действует слишком грубо. Боюсь, заиграется и натворит дел, а расхлёбывать потом мне.

— А, вот оно что, — кивнул Кан Цзыхун. — Иначе пострадает твоя хвалёная воинская дисциплина. И каков твой план?

— Отплачу ему той же монетой, — ответил Му Цаньшан, прикрыв глаза.

В мыслях царил полный сумбур.

"Да ладно, разве могу я увлечься каким-то безродным птичником?"

Он силился убедить себя в этом. Ему просто понравилась та безудержная, хмельная свобода, которой они предавались той ночью. С самого детства суровый отец держал его в ежовых рукавицах. На заставе было невыносимо скучно, зато над ним не стояли надсмотрщики, и он сам вершил судьбы подчинённых. Воинская служба утомляла однообразием, в город удавалось вырваться раз в несколько месяцев, а местные трактирные девки лишь раздражали пустой болтовнёй. И тут, среди серой лагерной рутины, забрезжил огонёк живого интереса. Разве мог пылкий юноша упустить столь редкое развлечение? Однако делиться этими мыслями с Кан Цзыхуном он не собирался. Почему-то сама мысль о том, чтобы обсуждать Мао Сяофэя даже с близким другом, казалась ему глубоко неприятной.

— К чему тебе заботиться о каком-то безродном чужаке из Верхней Ци? — добавил Му Цаньшан.

— Я забочусь о тебе, глупец, — Кан Цзыхун бесцеремонно устроился на краю стола. Весь его шуточный тон мгновенно испарился. — Играешь с огнём, Цаньшан. Смотри не обожгись. Кто поручится, что князь Аньян не захочет вернуть своего беглого фаворита? До меня тут дошли слухи, что некие влиятельные люди всюду рыщут по округе, разыскивая твоего птичника.

Род Канов поднялся из купеческого сословия. Разбогатев, они поначалу лишь купили чиновничью должность ради престижа, но за несколько десятилетий сумели пустить глубокие корни и войти в высшие круги империи. Ныне в Цинси как среди знати, так и на самом дне преступного мира никто не смел перечить семейству Кан. Без этой мощной опоры Кан Цзыхуну, при всём его несомненном таланте, ни за что не удалось бы снискать столь скорую и громкую славу. Но теперь его картины ценились на вес золота, расходились по самым отдалённым уголкам Поднебесной, а коллекционеры выстраивались за ними в многолетние очереди.

Подперев ладонью подбородок, Кан Цзыхун лукаво прищурился:

— Впрочем, я и сам не прочь повеселиться. Уж поверь, в тонком искусстве интриг я смыслю куда больше твоего.

У Му Цаньшана тревожно ёкнуло сердце. Он невольно сжал кулаки и после недолгого молчания хмуро выдавил:

— Не лезь в это дело. Дунмэнь Юэ оказал мне услугу при дворе, и долг чести я верну ему сам. Без твоей помощи.

Художник лишь снисходительно повёл плечом:

— Как знаешь.

Имея на руках письменное повеление командующего, лекари мгновенно забыли о былых отговорках. Но время было упущено — малец горел как в огне. Лоб лекаря покрылся испариной. Коли этот оборванец за пару минут раздобыл личную подпись самого генерала Му, значит, за ним стояла сила, с которой шутки плохи.

— У мальчишки вся пасть разодрана, — качая головой, пробормотал старый лекарь. — Порошок смывает слюной, целебная мазь просто не держится.

— И что делать? — взмолился Мао Сяофэй.

— Придётся держать его рот открытым. Не позволяй ему смыкать челюсти, пока опухоль не спадёт. Моё снадобье подействует дня через два-три, но учти... зрелище это не из приятных, да и слюны натечёт немало.

— Снадобье давай, — отрезал Мао Сяофэй.

Подумаешь, детские слюни! Ему ли брезговать? В своей жизни он видывал грязь и похуже.

— И ещё... — лекарь отвёл взгляд, не смея смотреть Сяо Фэю в глаза. — Жар держится слишком долго. Боюсь, как бы разум не повредился.

Мао Сяофэй оцепенел. Лицо его мгновенно сделалось белым как полотно.

— Лечи его, — хрипло выговорил он. — Дай лучшее, что у тебя есть. Сделай хоть что-нибудь!

Лекарь поспешно закивал и принялся толочь коренья в ступке. Мао Сяофэй опустился на корточки у постели мальчика. Фу Дун скорчился от боли, он судорожно кривился и тяжело нахмурился. Сяо Фэй осторожно протянул руку и кончиками пальцев разгладил нахмуренные детские бровки.

Всю ночь Мао Сяофэй усердно мазал воспалённые дёсны приёмыша целебным снадобьем. Метавшийся в бреду мальчишка то и дело вздрагивал и заходился в судорогах от нестерпимой боли.

Сяо Фэй не сомкнул глаз до самого рассвета. Тусклый огонёк светильника разгонял мрак шатра, пока с улицы не донёлся трубный глас утреннего горна, возвещавший наступление часа Кролика. Сил караулить у постели каждую секунду не оставалось, и Сяо Фэй пришлось пойти на хитрость: он осторожно вставил между зубок мальчика две деревянные палочки для еды. Каждые несколько минут он бережно утирал бегущую изо рта слюну и заново присыпал раны целебным порошком, стоило тому сойти.

Убедившись, что дыхание приёмыша выровнялось, Мао Сяофэй, шатаясь от нечеловеческой усталости, выбрался наружу и опустил лицо в бочку с ледяной водой, пытаясь прогнать липкий сон.

Стоило ему переступить порог своей утлой лачуги, как в нос ударил упоительный аромат свежей стряпни, заставив утомлённый разум мгновенно проясниться.

За грубым дощатым столом хлопотал Чжоу Цзи, расставляя нехитрую утварь. Заметив хозяина, он приветливо улыбнулся:

— Ну наконец-то! Молодой генерал велел принести тебе завтрак. Нашёлся же счастливчик — во всём лагере никто отродясь такой роскоши не видывал. Угощайся, заслужил.

Мао Сяофэй шумно втянул носом воздух. На столе красовались три поджаристые, исходящие паром золотистые мясные лепёшки и пиала густого, матово-белого бульона, сваренного бог весть из чего.

— Откуда это богатство? — растерянно пробормотал он. — С чего бы мне такие почести?

— Молодой генерал отдал тебе свою долю, а сам довольствуется твоей лагерной похлёбкой. Повезло же тебе, приятель, видать, духи предков расщедрились, раз предводитель к тебе так благоволит. Давай, не робей, налегай!

Живот Сяофэя затянул унылую песню. Отказываться от угощения из ложной скромности было бы верхом глупости, так что он просто уселся на лавку и придвинул к себе тарелку.

— Присоединяйся, — предложил он Чжоу Цзи.

Чжоу Цзи, который всю дорогу до лачуги едва сдерживал слюнки от умопомрачительного запаха, дважды приглашать не пришлось.

— Сто лет мяса не ел! — промычал он с набитым ртом, жадно откусывая добрую половину лепёшки. Масло так и текло по его подбородку.

— Ничего, — ухмыльнулся Сяо Фэй. — Вот выведутся цыплята, подрастут, тогда и заживём. Мяса будет — хоть завались.

— Ну, гляди, не подведи, птицевод. А то попадёт наш брат в плен к врагам, и за кусок жирной грудинки выдаст все военные тайны. Дух-то у воина крепок, пока утроба сыта.

— Это ты про себя, что ли? — лукаво прищурился Мао Сяофэй.

— Да ну тебя! Скажешь тоже... Я человек чести и долга! — Чжоу Цзи шутливо погрозил пальцем, наспех смахнул крошки со стола и, прихватив пустую посуду, поспешил откланяться.

Заботы навалились разом: нужно было обиходить птицу и выходить Фу Дуна. Лишённый сна Мао Сяофэй чувствовал себя разбитым. Когда солнце вошло в зенит, яркие лучи больно ударили по глазам, а в голове закружился хоровод мушек.

К полудню случилось чудо: приёмыш наконец приоткрыл глаза. Сяо Фэй бережно отложил свежесобранные яйца, тщательно вымыл руки и прижал ладонь ко лбу мальчика. Кожа всё ещё оставалась горячей, но бывшего, испепеляющего жара уже не чувствовалось.

— Фу Дун, маленький, очнись. Хватит спать, — тихо позвал Сяо Фэй осипшим голосом.

Мальчик долго и тупо вглядывался в его осунувшееся лицо. Наконец он едва слышно прошептал:

— Папа...

Кровь хлынула к лицу Сяофэя. Переполненный нежностью, он крепко прижал ребёнка к груди, осторожно вытащил палочки у него изо рта и звучно поцеловал в бледный лоб:

— Очнулся... Очнулся, слава богам! Кушать хочешь?

— Хочу, — слабо кивнул малец.

— Потерпи чуток, сейчас папа раздобудет тебе чего-нибудь вкусного. Только рот не закрывай, понял? Слюни потекут — сам утирай.

Мао Сяофэй бережно уложил его обратно, схватил три свежих яйца и, спотыкаясь от усталости, пошёл в сторону походной кухни на поиски Бао Юя.